

УДК 167.5(470+571)

Митина Наталья Георгиевна

*Морской государственный университет им. адм. Г.И. Невельского
Владивосток, Россия*

Русская утопия

Основное внимание уделено выявлению специфических черт, присущих русской утопии и механизмам регенерации утопии в России. Кроме особенностей русской философской утопии выделен и ряд черт, объединяющих западную и русскую утопии. Автор определяет утопию как социокультурный феномен, вбирающий в себя специфические черты цивилизации, на базе которой она формируется.

Ключевые слова и словосочетания: утопия, социокультурный феномен, цивилизация, утопизм, идеал, проект.

Многие философы отмечают, что утопичность свойственна русской ментальности. Как подчеркивает Э.Я. Баталов: «В России утопия всегда чувствовала себя как дома. Русская народная социальная утопия с ее идеалом Правды, уходящая корнями в культуру Древней Руси, оказывала неизменное воздействие на формирование национального утопического сознания и массовых движений протеста, включая все три русские революции» [1. С. 105]. На готовность России к созданию и реализации утопических проектов указывал Г.П. Федотов: «...Россия мыслится национальной пустыней, многообещающей областью для основания государственных утопий» [18. С. 1]. Следовательно, их надо искать в особенностях формирования российской цивилизации, наложившей отпечаток на складывание психологии, культуры русского народа.

Например, Н.О. Лосский в своем исследовании «Характер русского народа» отмечает такие черты, как религиозность и связанное с ней искание абсолютного добра, свобода духа, отсутствие организованности, формы, стремление к социальной справедливости [10]. На отсутствие формы указывает и другой русский философ Н. Бердяев: «Русский человек во власти своей природы, во власти своей земли, во власти стихии. Это означает, что в строении души русского человека форма не овладевает содержанием, душевно-телесной стихией не овладевает дух» [4. С. 52–53]. Романтизм и духовную анархию как черты русских выделяет немецкий философ В. Шубарт, подчеркивая: «Отсюда пресловутая мечтательность русских, неотмирность их планов и программ, копание в теориях без всяких перспектив на практический идеал» [25. С. 104]. Данная осо-

бенность, по нашему мнению, так же является предпосылкой русского утопизма.

Другими важнейшими чертами русского народа являются коллективизм, общинность и соборность. Это подчеркивает и С. Франк: «В противоположность западному, русское мировоззрение содержит в себе ярко выраженную философию «МЫ», или «МЫ-философию». Для нее последнее основание жизни духа и его сущности образуется «МЫ», а не «Я»» [20. С. 4]. В понятиях соборность, всеединство заключается и идея государства, которая представлена у русских как идеал, утопия единения, целостного органичного взаимоотношения власти – народа – человека. Данные мысли высказывает В.Н. Муравьев: «Наиболее полным идеалом древнего русского мирозерцания было Царство Божие на земле. К этому идеалу сознание подходило одновременно через Церковь и Государство, сливая их в образе великой, сначала русской, затем вселенской теократии» [14. С. 58].

По мнению А.Д. Свияжского (А. Терца), причины данных особенностей заключаются в пришедшей из Византии восточной ветви христианства – православии, наложившем отпечаток на развитие русской цивилизации. Эта особенность проявляется в усилении третьей ипостаси Божественной Троицы – Святого Духа [17. С. 48–49]. Религия Святого Духа приводит к природной бесформенности, аморфности, к приоритету духа над формой. На влияние Византии указывает и Г. Померанц, отмечая переплетение в русском наследии цивилизационных начал Византии, Татарии и Запада. «Создать из всего этого устойчивую форму непросто. Отсюда превосходство бродящего духа над формой – в том числе формами общежития – и постоянная угроза хаоса» [15. С. 3–4]. В этих особенностях заключается и причина иррациональности мышления, подчинение сердцу, а не разуму.

Н. Бердяев, рассматривая особенности русского национального типа, определяет антиномии в русском характере: деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядоверие и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвалство и универсализм, всечеловечность; эсхатологически-мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт [2. С. 2]. Все эти черты подтверждают выводы о существовании в недрах российской цивилизации предпосылок формирования утопического сознания.

Ряд современных исследователей утопии также останавливаются на истоках утопизма. К примеру, Б.Ф. Егоров определяет истоки социального утопизма в двух совсем различных ментальностях, укорененных в русском национальном характере. Одной из них является отвращение к рабочему процессу, лень, воровство и обман, сформировавшиеся на протяжении долгих веков рабства, и истолкование на этом фоне христианской

морали как враждебной по отношению к физической работе. Об этом свидетельствуют фольклорные произведения: сказки, былины, пословицы, поговорки. Русский человек, независимо от его социального положения, надеется на чудо, на получение каких-то благ без усилий, труда, с помощью сказочных персонажей или божественных сил, а также используя хитрость и обман. Исключения составляют былинные эпосы о русских богатырях, которые честно использовали свою силу для защиты Родины. С другой стороны, отмечает Егоров, в относительно свободных группах (северные поморы, старообрядцы, казаки) суровые условия воспитывали культ труда, формировали трудовую мораль, имеющую много общего с идеалами протестантизма. Однако все эти различия имели одну основу – мораль, которая требовала честности и справедливости. Отсюда и появлялись утопические мечты о рае, который должен был стать наградой праведникам [8. С. 15–19]. По мнению ученого рай – это самая древняя утопия, а ад, соответственно, самая древняя антиутопия во всей мировой культуре. Именно поискирая, который может стать наградой за праведную жизнь уже на земле, заложили установку на формирование утопий.

В.П. Шестаков считает, что важный аспект русского национального самосознания составляет антиномия эсхатологизма и утопизма. С одной стороны, эсхатологическая вера в достижение лучшей жизни и мессианской предопределенности России в мировой истории, а с другой – тенденция к социальному утопизму, созданию зримого образа желаемого (или нежелаемого – в антиутопиях) будущего [24. С. 5]. Примером этого является утопия «Русская идея» – превращенный в абсолют социальный идеал об особой миссии России в мире.

Общественные идеалы и социальные утопии по своей природе историчны, в них диалектически сочетаются изменчивое и устойчивое, специфическое и универсальное. В свою очередь, антиутопии, демонстрируя тревогу за судьбу личности в «массовом обществе», позволяют спрогнозировать возможные последствия реализованной утопии. Н. Бердяев предупреждал: «Всякая попытка созданиярая на земле есть попытка создания ада». Как отмечает Е. Черткова: «Само позитивное осмысление будущего с учетом многовариантности развития, ведущего к нему, может сыграть роль противоядия от другой грозящей нам беды – интеллектуального и морального хаоса, абсолютного негативизма, сконцентрированных в идеологиях, подрывающих основы современной культуры» [21. С. 5].

Специфика ощущения времени у русских также является механизмом генерации утопического сознания. Для русской цивилизации характерно некоторое замедление временных процессов, что обусловлено ее пространственной протяженностью. Бесконечная даль пространства и бесконечная даль времен, соотносимые для русского понятия. Отсюда и укорененность в вечном. В. Шубарт подчеркивает: «У русского бесконечно много времени, поскольку в нем живет уверенность, что он бесконечно

существо». Русский живет мгновением, что объясняет невнимание к прошлому, как и к будущему. Это, по мнению Шубарта, «виталистическое возражение против исторического мышления» [25. С. 119]. К аналогичным выводам в своем исследовании русского характера приходит К. Касьянова: «В нашей культуре нет ориентации на прошлое, как нет ее и на будущее. Никакого движения, этапов, промежуточных ступеней и точек не предполагается». В культурах, ориентированных на вечность, подчеркивает она, нет историчности: «Это и понятно: какая же относительность в вечности – в вечности может оставаться только абсолютное» [9. С. 5].

Еще одну специфическую черту временных представлений выделяет В.Н. Муравьев: «Древнерусское мирозерцание устанавливало живую и нерушимую связь настоящего с прошлым... Соборность и временность неотделимы» [14. С. 57]. Данная связь устанавливалась не рассудком, а целостным познанием, восприятием «былого в действии». Человек, таким образом, находился в истории, жил ее.

Необходимо подчеркнуть, что перечисленные нами особенности темпоральности русской души являются причиной неистребимости утопий в России, ее открытости новым утопическим проектам, способности постоянно впитывать в себя появляющиеся утопические идеи и становятся почвой для их реализации.

Рассматривая особенности ментальности русских можно выделить ряд положений: антиномия добра и зла представлена здесь в виде противопоставления общины как символа добра и государства (властных структур), как символа зла; основным способом действия для русских является надежда на лучший исход дела (выражение «авось»); достижение добра, счастья возможно, но только в будущем. Таким образом, можно выделить черты, которые способствовали генерации утопии в России. Основными из них являются: религиозность, эсхатологизм, мессианство, свобода духа, отсутствие формы, стремление к социальной справедливости, правдоискательство, общинность, соборность, вера в чудо.

Вывод о том, что русская утопия представляет собой социокультурный феномен подтверждают ее специфические черты. Утопические идеи буквально пронизывают русскую философию. В чем же заключаются ее особенности? Например, В.П. Шестаков указывает, что русская утопия не всегда являлась самостоятельным произведением, а растворялась в литературных произведениях других жанров. Данная особенность, а также отсутствие к ней внимания со стороны исследователей, по его мнению, стали причиной ее неизвестности в мире [24. С. 39]. Образный, художественный характер утопии объясняется особенностью русской философии в целом. Многие исследователи отмечают, что русская философия тяготеет к живому, образному слову, публицистичности, что приводит ее к тесному переплетению с художественной литературой. Русская философия идет через развитие всей русской культуры, а философские идеи вопло-

щаются через образы литературы, архитектуры, изобразительного искусства [6; 19; 11; 12; 13].

Традиционным повествовательным приемом в русской утопической литературе становится сон, что объясняется подцензурным характером литературы, так как утопические произведения, рисуящие будущее, касались острых социальных проблем и были опасной формой литературы. Кроме того, в России, по сравнению с Западом, более остро чувствовался разрыв между идеалом и действительностью. В.П. Шестаков подчеркивает: «То, что европейскому философу и сочинителю ... казалось возможным уже в процессе ближайшего созидания ... для русского утописта представляло пронзительной мечтой, осуществимой лишь в очень далеком будущем» [24. С. 40–41].

Любая утопия в какой-то степени религиозна, так как пытается воплотить веру в осуществимость идеального общества. Но русская утопия религиозна в своей основе. Е.Л. Черткова выделяет следующие черты русского утопизма: религиозный имманентизм, «теургическое беспокойство», мессианизм, идея спасения. Однако, как подчеркивает исследовательница: «Религиозные по своему источнику и характеру идеи преобразуются в структуре утопического сознания в нечто всецело «от мира сего», обнаруживая тем самым его псевдорелигиозный характер» [22. С. 181–185].

Еще одним важным аспектом русской утопии является ее нравственная сущность. Здесь также необходимо отметить, что данная черта отличает русскую философию от западной, имеющей рациональный характер. Это черта коренится в особенностях русского самосознания, как уже подчеркивалось ранее, в приоритете духа над формой. Утопия, таким образом, выражает христианский идеал Царства Божьего, но как земного, создаваемого людьми без Бога, где реализуется ответственность человека за историю, вера в свою провиденциальную миссию указать людям путь правильного жизнеустройства, спасти человечество.

Утопии трансформируются в зависимости от духа эпохи и одновременно содержат традиции культуры и общую концептуальную основу. Переосмысление утопических проектов, предпринятое в конце XX века, с помощью метода деконструкции, используемого в постмодернистской философии, позволило определить новые ценности утопии: умение обратить внимание на существование разных способов решения проблем, на необходимость осмыслить и пересмотреть существующие нормы и ценности. Эта особенность утопии дает возможность найти новые подходы и таким образом изменить устои общества, составить философский прогноз его дальнейшего развития. И.И. Евлампиев отмечает данную особенность как характерную черту русской утопии, связанную с дуальным восприятием мира: «Здесь создается идеал, который осознается как совершенно необходимый для человека в истории и в то же время как недоступный нам в реальном историческом времени». Но при этом

«...принципиальное разнообразие культурных типов не должно считаться препятствием к возможности реализации общечеловеческого прогресса, более того, именно многообразие направлений продвижения к идеалу является условием этого прогресса». В отличие от западных утопий этот идеал не может быть столь же «конкретным», он носит духовный, а не сугубо материальный характер. «По-настоящему действенный и плодотворный идеал, способный придать новый импульс развитию общества, должен не превозносить и «консервировать» материальную приземленность и бездуховность современной цивилизации, а ставить задачу бесконечного духовного совершенствования человека» [7. С. 82–83].

На еще одну особенность русской утопии указывает В.А Суковатая: «Русская утопия, по сравнению с западной, не выливалась в единую и целостную литературу или философию, и выполняла не столько прогностические функции, как на Западе, а, скорее, идеализирующие-шифровательные... Иначе говоря, изображая в качестве «внешнего плана» утопии некие «желаемые отношения», автор, на самом деле, в качестве ее внутреннего плана делал акцент на фигурах иного порядка, тех отношениях, которые мыслились как социально-неприемлемые, тормозящие социальный и политический прогресс, развитие нравственности и демократии» [16. С. 3]. Отсюда и интерес утопии к гендерным отношениям, которые находились за рамками тем, допущенных к публичному обсуждению.

Кроме особенностей русской философии, исследователи утопии выделяют и ряд черт, объединяющих западную и русскую утопии: осмысление социального идеала, критика существующего общества, попытка предвосхищения образов желаемого будущего, идея необходимости абсолютного преобразования действительности. Она не избежала смешения идеала и факта, в ней произошло отождествление исторического порядка с мистическим порядком Царства Божия [22. С. 180]. Сравнение позволяет отметить специфику: если для западной утопии преобладающей темой является поиск путей рационального переустройства общества, устройство жизни в соответствии с принципами разума, то для русской утопии цель заключается в преобразении общества в соответствии с законами социальной правды, заключающейся в единстве истины и справедливости. Развитие западной утопии шло от религии через рационалистическую философию к утопии с опорой на науку. Русская утопия также шла от религиозного источника, но совершила круг: от православия через идеи Просвещения и рационализма (пришедшие с Запада) к религиозной философии, которая позднее дала ей серьезную критику, отмечает Е.Л. Чертова [22. С. 180].

Таким образом, нет оснований делать вывод о неразвитости русской утопии. Проведенный анализ позволяет говорить о более позднем развитии (расцвет русской утопии приходится на вторую половину XIX – начало XX века), но не отставании ее от западных утопических концепций.

В.П. Шестаков подчеркивает, что русский утопический роман «был на уровне мировой утопической литературы, а в жанре негативной утопии русские писатели оказывались и намного впереди» [23. С. 248]. Он отмечает высокое художественное достоинство русской утопии, ее оригинальность и значительное расширение диапазона представлений о будущем: «Это стремление к созданию образа будущего, предвидение его в образе утопии – одна из характерных особенностей русской литературы» [24. С. 65].

Все эти особенности позволяют нам рассматривать утопию как социокультурный феномен. Это подтверждается многими исследователями. Культура концентрирует в себе знания, ценности, обычаи, благодаря которым человек и общество формирует свои традиции и идеи. Как подчеркивает Э.Я. Баталов, утопия является живым явлением сознания и культуры [1. С. 10]. Необходимо подчеркнуть уникальность каждой культуры и вытекающие из нее особенности утопических проектов. Более того утопия сама оказывает существенное влияние на культуру и другие сферы общественной жизни.

Н. Бердяеву удалось продемонстрировать особенности культуры через сравнение ее с цивилизацией. По мнению философа, между культурой и цивилизацией нельзя ставить знак равенства. Он отмечает ее благородное происхождение, ее сакральные истоки. Культура произошла от культа и имеет религиозные основы, отсюда истоки ее символизма. Рождение цивилизации напротив связано с борьбой человека с природой. Это является причиной индивидуальности, своеобразия культур и общих признаков цивилизации разных народов.

Н. Бердяев подчеркивает различие основ цивилизации и культуры: если культура имеет духовную основу, то цивилизация – машинную. Культура переходит в цивилизацию, что означает гибель духа. В темпе цивилизации «нет прошлого и нет настоящего, нет выхода к вечности, есть лишь будущее». Однако механическое преобразование «жизни», к которому стремится цивилизация с помощью своих средств, не единственный способ такого преобразования – есть еще путь религиозного преобразования, который существует внутри культуры. Реальное преобразование «жизни» связано с волей к чуду, считает философ. Проведенное сравнение позволяет нам сделать вывод о связи между особенностями культуры и выявленными нами особенностями утопии (сакральность, вера в чудо, стремление к вечности, обращенность в будущее).

Эти различия отражаются и на временных представлениях цивилизации и культуры. Цивилизация в отличие от культуры не стремится к вечности, более того, именно конечность времени служит основанием успехов цивилизации. В культуре происходит борьба вечности со временем, в ней действуют два начала: «консервативное, обращенное к прошлому и поддерживающее с ним преемственную связь, и творческое, обращенное к будущему и созидующее новые ценности». Однако в ней не может

быть революционного, разрушительного начала, так как оно изначально антикультурно [5; 3].

По мнению Н. Бердяева, в России воля к культуре захлестывается волей к «жизни», воля имела две направленности, переплетающиеся между собой: стремление к социальному преобразению жизни в цивилизации и стремление к религиозному преобразению жизни, к явлению чуда. Тем не менее, подчеркивает философ, русские создали безобразную цивилизацию, и религиозное преобразование русских было поражено болезненной мечтательностью. Но нам дано понять более остро кризис культуры и трагедию исторической судьбы, воля требует очищения, и тогда «воля его к преобразению жизни даст ему право определить свое призвание в мире» [3]. Культурные особенности России, выделенные Бердяевым, связаны с выделенными нами механизмами генерации утопических проектов в русской философии.

По мнению Бердяева, культура не может развиваться бесконечно, и в момент «смерти» она трансформируется в цивилизацию, где умирает дух культуры. Культура, таким образом, приобретает практическую направленность к организации жизни, происходит социальная энтропия. Цивилизация – это переход к жизни, подчеркивает Бердяев, что свидетельствует о существовании в культуре практического уклона [3. С. 163–167]. Таким образом, поскольку цивилизация имеет практическую направленность (в противовес символическому и созерцательному характеру культуры [3. С. 172–173]), мы можем говорить о ее рациональности, а, следовательно, и о рациональности утопии. Утопия как одна из форм рационализации соединяет в себе социум и культуру с помощью человека и одновременно является их продуктом – социокультурным феноменом. Специфика русской цивилизации заключается в том, что в ней, как указывает Бердяев, воля к «жизни» захлестывает волю к культуре, отсюда и совмещение направленности к социальному преобразению жизни – в цивилизации, и религиозному преобразению – явление чуда [3. С. 174]. Данная специфика является не только причиной существования утопии, но и определяет ее особенности, характерные черты. Российские утопии, несмотря на многообразие их форм, имеют религиозные черты.

По своим социокультурным установкам, отмечает Баталов, утопия амбивалентна, ее общественно-политическая роль противоречива и определяется ситуацией в обществе [1. С. 304–305]. Амбивалентность утопии заключается в неоднозначном отношении человека к окружающему миру, в различии, а точнее в противоречивости существующей в обществе системы ценностей. Авторы утопий, следовательно, пытаются противопоставить новую систему ценностей в создаваемом ими обществе старой, существующей в обществе на данный момент.

Социокультурный мир представляет собой уже заранее конструированный и организованный мир, особая структура которого является результатом исторического процесса, которая отлична для каждого кон-

кретного общества и каждой конкретной культуры. Утопия, являясь продуктом нашей повседневной жизни, вмещает в себя особенности культурных и социальных отношений данной человеческой общности. И это подтверждает вывод о том, что утопия представляет собой социокультурный феномен, включающий в себя специфические черты цивилизации, на базе которой она формируется.

1. Баталов Э.Я. В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. Диалог первый. Утопическое сознание / Э.Я. Баталов. – М.: Политиздат, 1989. – 319 с.
2. Бердяев Н.А. Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века [Электронный ресурс] / Н.А. Бердяев. Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/berdyaev/berd-rusidea.htm> (дата обращения 08.01.11).
3. Бердяев Н. Воля к жизни и воля к культуре / Н. Бердяев // Смысл истории. – М.: Мысль, 1990. – С. 162 – 174.
4. Бердяев Н. Мирозерцание Достоевского [Электронный ресурс] / Н. Бердяев. Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyaev/berdn008.htm> (дата обращения 08.01.11).
5. Бердяев Н.А. О культуре [Электронный ресурс] / Н.А. Бердяев. Режим доступа: http://miemp.ru/lib_portal/plan/text/kultur/Berd.pdf (дата обращения 04.03.11).
6. Евлампиев И.И. История русской философии. учеб. пособие для вузов / И.И. Евлампиев. М.: Высшая школа, 2002. – С. 5 – 11.
7. Евлампиев И.И. «Конец истории» и многообразие культурно-исторических форм (западная и русская утопия) / И.И. Евлампиев // Философский век: альманах. / отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. – СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 2000. Вып. 13. Российская утопия эпохи Просвещения и традиции мирового утопизма. – С. 79 – 83.
8. Егоров Б.Ф. Российские утопии: Исторический путеводитель / Б.Ф. Егоров. – СПб: «Искусство – СПб», 2007. – 416 с.
9. Касьянова К. Репрессия как глобальная модель «ответа» на ситуацию [Электронный ресурс] // О русском национальном характере / К. Касьянова Режим доступа: http://www.hrono.ru/libris/lib_k/kglava8.php (дата обращения 21.03.11).
10. Лосский Н.О. Характер русского народа / Н.О. Лосский. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви; Изд-во «ДАРЪ», 2005. – 336 с.
11. Миненков Г.Я. Русская философия / Г.Я. Миненков // Всемирная энциклопедия: философия / глав. науч. ред. и сост. А.А. Грицианов. – М.: АСТ, Минск: Харвест – Современный литератор, 2001. – С. 882 – 885.
12. Муравьев В.Н. Неведомая Россия. Рев племени / В.Н. Муравьев // Овладение временем. – М.: РОССПЭН, 1998. – С. 52 – 72.

13. Померанц Г. Разрушительные тенденции в русской культуре [Электронный ресурс] // Новый Мир. – 1995. – № 8. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/njvei_mi/1995/8/pomeran.html (дата обращения 08.10.10).
14. Суковатая В.А. Утопические мотивы в философии Всеединства [Электронный ресурс] / В.А. Суковатая. Режим доступа: <http://www.standrews.ru/index-ea=1&ln=1&chp=showpage&num=380> (дата обращения 08.10.08).
15. Терц А. (Синявский А.Д.) Голос из хора [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.litru.ru/?book=42578&description=1> (дата обращения 18.09.10).
16. Федотов Г.П. Будет ли существовать Россия? [Электронный ресурс] / Г.П. Федотов. Режим доступа: <http://www.vehi.net/fedotov/rossiya.html> (дата обращения 18.10.10).
17. Философия: учебник / под ред. проф. В.Н. Лавриненко. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юристъ. 2004. – 511 с.
18. Франк С.Л. Сущность и ведущие мотивы русской философии [Электронный ресурс] / С.Л. Франк. Режим доступа: <http://az-libr.ru/Persons/0B5/84e77bbb/0001/Frank.shtml> (дата обращения 08.01.11).
19. Черткова Е. Утопия как тип сознания / Е. Черткова // Общественные науки и современность. – 1993. – № 3. – С. 71 – 81.
20. Черткова Е.Л. Специфика утопического сознания и проблема идеала / Е. Черткова // Идеал, утопия и критическая рефлексия. – М.: РОССПЭН, 1996. – С. 156 – 187.
21. Шестаков В. Утопия // 50/50: Опыт словаря нового мышления / под общ. ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева – М.: Прогресс, 1989. – С. 244 – 248.
22. Шестаков В.П. Эсхатология и утопия: очерки русской философии и культуры / В.П. Шестаков. – 2-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 208 с.
23. Шубарт В. Европа и душа Востока / В. Шубарт. – М.: «Русская идея», 2000. – 446 с.